

УДК 316.4:327(497.2)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.56>

Детерминанты процесса становления и развития болгарского национального геополитического сознания

А. А. Ковалевский*

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. Анализируются культурно-исторические детерминанты формирования болгарского национального геополитического сознания, в качестве которых рассматриваются турецкий, русский и македонский комплексы (в последнее время к ним добавляется европейский). Также показывается, что существенный отпечаток на формирование болгарского национального геополитического сознания наложило внешнее восприятие Болгарии, в особенности в контексте вовлечения интеллектуальных элит и широких общественных кругов ведущих иностранных держав в болгарское национально-освободительное движение. В этом ключе обращается внимание на иностранные этнографические карты, которые являются в болгарском восприятии важным аргументом в обосновании национального геополитического идеала «Великой Болгарии».

Ключевые слова: Болгария, национальное геополитическое сознание, турецкий комплекс, русский комплекс, македонский комплекс, европейский комплекс, русофильство и русофобия, этнографические карты расселения болгар.

Для цитирования: Ковалевский А. А. Детерминанты процесса становления и развития болгарского национального геополитического сознания // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 39. С. 56–70. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.56>

Original article

The Determinants of the Emergence and Development of the Bulgarian National Geopolitical Conscience

A. A. Kovalevskiy

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. The article analyzes cultural and historical determinants of the formation of the Bulgarian national geopolitical conscience; these include Turkish, Russian and Macedonian complexes, with the European one to have recently been added. The author argues that external perception of Bulgaria has had a significant impact on the development of the Bulgarian national geopolitical conscience, notably if to take into consideration involvement of intellectual elites and general public of major foreign powers into the Bulgarian national liberation movement. In this respect, attention has been drawn to foreign

ethnographic maps, which in the view of Bulgarians are an important argument for providing a rationale for the national geopolitical ideal of “Great Bulgaria”.

Keywords: Bulgaria, national geopolitical conscience, Turkish complex, Russian complex, Macedonian complex, European complex, Russophilia and Russophobia, ethnographic maps of resettlement of Bulgarians.

For citation: Kovalevskiy A. A. The Determinants of the Emergence and Development of the Bulgarian National Geopolitical Conscience. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 39, pp. 56-70. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.56> (in Russian)

Болгария – старейшее европейское государство: государственность у болгарского народа возникла на заре Средневековья, в 80-х гг. VII в., предшествуя появлению государств у большинства других современных европейских народов. Однако семь из следующих тринадцати веков она провела под иностранным контролем. Выгодное географическое положение позволило болгарам в определенные периоды доминировать над своими меньшими балканскими соседями, но география также заставляла их подчиниться власти трех империй: Византийской, Османской и Советской, а ныне, оказавшись в составе Европейского союза, вновь утратить значительную часть суверенитета. Эта ситуация, на которой акцентируют внимание болгарские геополитики (например, Л. Георгиев, А. Димов, М. Русев), провоцирует поляризацию общественных настроений на фоне международных процессов, вновь заставляющих малые и средние державы «самоопределяться» по отношению к нарастающим противоречиям и конфликтам между великими державами. Этим определяется цель данной статьи – раскрыть культурно-исторические детерминанты формирования болгарского национального геополитического сознания.

Древние болгары были цивилизованным народом, расселившимся не только в Мезии, Фракии и Македонии, но и от Каспийского моря, Кавказа и реки Волги до Паннонии и Италии [9–11]. Идеологема «славянского моря» от Адриатики до Балтики и от Московских болот до Черного моря, существующая в болгарском сознании со времен Бориса Крестителя, не была необоснованной. Его мечта состояла в том, чтобы вовлечь славян в болгарский саракт, т. е. в болгарское жизненное геополитическое пространство [1; 7]. В сущности, хотя в полной мере этой цели достичь не удалось, по отношению к славянско-православной цивилизации Болгария оказалась в роли классического референта, подобно Греции для Европы: «классическая страна для России, Литвы и Венгрии», родина «нашего священного языка», как выражался Юрий Венелин [5, с. 134–135].

В современной Болгарии любят вспоминать слова, сказанные якобы в разное время – в 1962 и 1989 гг. – двумя выдающимися французскими президентами Шарлем де Голлем и Франсуа Миттераном. Первый заявил в 1962 г., что «болгарское государство является колыбелью европейской культуры и цивилизации», а второй в 1989 г. сказал, что «болгарский народ является одним из создателей цивилизации на нашей планете» [11].

Культурно-историческими детерминантами формирования болгарского национального геополитического сознания являются турецкий, русский и македонский комплексы, к которым в последнее время добавляется европейский. Турецкий комплекс является прямым следствием турецкого рабства и навязан-

ной в XV–XVIII вв. османизации болгарского геополитического сознания. Русский комплекс определяется значительным болгарским влиянием на русскую геополитическую традицию, включая переход большей части болгарско-татарской аристократии на русскую службу, перенос концепции Третьего Рима и панславизма из Дунайской Болгарии, влияние болгарской письменности и религиозности на становление русской культуры. Значительная часть болгарской идентичности вплетена в русский культурно-языковой мир, так что Россия воспринимается как «свое» пространство для болгарского геополитического сознания. По словам П. Ганчева [4], исторические связи между Болгарией и Россией структурно идентичны тем, которые существуют между Англией и США. По сути, эта аналогия свидетельствует о том, что болгары воспринимают свою страну как «культурную метрополию» для России. В этом контексте сформировалось понимание, что болгаро-русские отношения с древних времен до наших дней развиваются на основе принципа обратной связи, воплощением которого является Освобождение Болгарии в 1878 г., достигнутое при решающей помощи России. Но этот же принцип обратной связи в XX в. оказался столь же опасным для Болгарии, как и турецкое вторжение в XIV–XV вв. После 1944 г. Болгария была включена в обширное евразийское геополитическое пространство СССР, причем «болгарское геополитическое сознание было полностью заморожено и лишено возможностей для самореализации» [8]. По мнению Николая Павлова, это приводит к формированию в его структуре «разочарованного русского комплекса» [Там же].

Если принять эту точку зрения, то по аналогии можно говорить о формировании в болгарском сознании в XXI в. «разочарованного европейского комплекса» – в свете кризисного воздействия вступления Болгарии в НАТО и ЕС на ее дальнейшее развитие. Равно как негативный опыт участия в двух мировых войнах на стороне Германии привел к распространению в значительной части болгарского общества своего рода «разочарованного германского комплекса». Правда, скорее следует вести речь о глубоком общественно-историческом расколе в свете геополитического опыта Болгарии XX–XXI вв., что, вероятно, обусловлено высокой зависимостью полупериферийной страны от ее положения на «линии» столкновения глобальных центров силы.

Видимо, проявлением формирования этого комплекса могут служить слова профессора Людмила Георгиева: «Я не знаю, насколько мы являемся частью европейской цивилизации, скорее мы никогда не были и не будем частью католической и протестантской западной цивилизации». Развивая эту мысль, он обращает внимание на то, что «в основе всей западной христианской цивилизации лежит растущая претензия на мировую гегемонию. Европейцы всегда считали себя конечной стадией развития человечества, считают себя универсальной цивилизацией, и в таком порядке уверенности в себе и воспроизводства этих идей идея глобальной гегемонии вполне нормальна»¹. Эти притязания не характерны для болгарского национального сознания; скорее болгары ощущают себя жертвами западной экспансии, нежели субъектом мировой гегемонии.

¹ Георгиев Л. В българската национална психика е драматично отсъствието на чувството за общност. URL: <http://www.memoriabg.com/2015/05/23/v-bulgarskata-nacionalna-psihika-e-dramatichno/> (дата обращения: 03.02.2022).

Что касается македонского комплекса, то, по словам Н. Павлова, он является «прямым следствием переоценки национальной идеи болгарской правящей элитой в ущерб геополитическим реалиям в конце XIX и начале XX века», когда национальные идеалы парадоксальным образом стали препятствием для развития болгарского геополитического сознания [8]. Болгария оказалась перед геополитической дилеммой: сосредоточить свои усилия на присоединении Македонии или Беломорской Фракии? Македония является «геополитическим ключом» Балканского полуострова, а Беломорская Фракия, присоединенная к Болгарии, значительно снижает значение Проливов, контролируемых тогда Османской империей, а ныне Турцией. Как утверждает Н. Павлов, «реальная оценка баланса сил показывает, что Болгария могла контролировать только Беломорскую Фракию» [Там же], а наиболее выгодным решением македонского вопроса он считает концепцию деятелей Внутренней Македонской революционной организации (ВМРО) Г. Делчева и Д. Груева о создании независимой Македонии как «второй Болгарии». Правда, здесь возникает вопрос: зачем нужна вторая Болгария, если есть первая? По аналогии с вопросом о том, зачем нужна «вторая Россия» в виде Украины, если есть первая. Попытка найти ответ на последний вопрос привела к утверждению «Украина – не Россия», вполне аналогичному современным представлениям о том, что Македония – не Болгария. Так или иначе, столкнувшись с этой дилеммой, с начала XX в. болгарская правящая элита полагалась прежде всего на национальные идеалы, а не на соображения геополитического прагматизма и направляла больше усилий на Македонию с ее более компактным болгарским населением. Таким образом, по словам Н. Павлова, «в первой половине века болгарская геополитика приобрела характер “геополитики эмоций”, из-за чего, «обрекаясь на безумный акцент на Македонии, Болгария теряет возможность стать геополитическим центром Балкан и создает условия для формирования так называемой македонской нации» [8].

Важными шагами по преодолению македонского комплекса в болгарском геополитическом сознании, сделанными в конце XX в., Н. Павлов считает признание независимости Македонии в 1992 г., решение так называемого языкового спора, оказание военной и гуманитарной помощи Скопье во время кризиса в Косово в 1999 г. Эти действия определяют прагматическую основу, на которой болгаро-македонские отношения должны развиваться в XXI в. Это не основа болгарских или македонских национальных идеалов, а общая геополитическая выгода [Там же].

Внешнее восприятие Болгарии, в особенности в контексте вовлечения интеллектуальных элит и широких общественных кругов ведущих иностранных держав, в болгарское национально-освободительное движение наложило существенный отпечаток на формирование болгарского национального геополитического сознания. Особое значение имеет воздействие на него со стороны известных литераторов, этнографов, дипломатов и других знатоков европейских областей Османской империи, таких как И. Липранди, К. Дежаржен, Г. Лежан, А. Синве, Дж. Маккензи и А. П. Ирби, Г. Киперт, Г. Вайганд и др., большая часть которых на месте изучали реалии болгарской жизни.

Долгое время болгары воспринимались внешним миром исключительно как этнографический компонент «европейской Турции». По словам К. А. Касаткина, «дикие азиаты-кочевники “бугары”, уживающиеся бок о бок с турками, идеально вписывались в дискурс единой «Османской империи», но выглядели неуместно уже в середине XIX в.» [6]. Качественные изменения, происходившие в восприятии болгар внешним миром в XIX в., наглядно иллюстрирует эпистолярное наследие Ивана Петровича Липранди.

Первоначально, в 30-е гг. XIX в., Липранди воспринимал Болгарию не более чем как часть Османской империи, категорически утверждая: «Собственно Булгарии ныне не существует»². Он полагал, что болгар «в нравственном и политическом отношении можно разделить на две главные части»³, сильно отличающиеся друг от друга, – на «нагорных» и «подольных». Наиболее «чистыми», сохранившими в изначальной чистоте свои нравы, обычаи и язык, он считал «нагорных», или «западных», болгар. «Подольные» болгары живут к северу от Старой Планины, где они сильно перемешались с турками, греками, армянами и евреями, восприняв у этих народов «двуличность, корыстолюбие, вероломство и вообще все характеристические черты оных»⁴. «Подольные» болгары потеряли воинственный дух и превратились в торговцев, переняв у турок склонность к пьянству, разбою и воровству⁵, а их язык также подвергся сильным изменениям, «так что они совершенно отличаются от нагорных болгар»⁶. Липранди доказывал, что расселение современных ему болгар не соответствовало указанной на современных ему европейских картах «Булгарии», а от самого болгарского государства осталось только древнее название, никак не соотносимое с реальным порядком вещей. «Конечно, Дунай отделяет воображаемую Булгарию сию, от Бессарабии, Молдавии и Валахии, река Тимок некоторым образом от Сербии; но ни Черное море, а еще менее хребет Балканов, не может служить границею булгарам»⁷. Дело в том, что побережье Черного моря было тогда заселено некрасовцами, запорожцами, татарами, турками и другими народами, зато к югу от Старой Планины проживало гораздо больше болгар, чем в границах отмеченной на картах «Булгарии»⁸.

Но уже в 50-е гг. И. П. Липранди противопоставляет «географическую» Болгарию, границы которой совпадали с указанными на европейских картах, т. е. описываемый им в 1830-е гг. регион Дунай – Черное море – Стара Планина – р. Тимок, и «настоящую Болгарию», которая определялась по «этнографическим» критериям: это территория, которую «болгары населяли во времена грозной самостоятельности царства своего и в которой находятся до сих пор»⁹. Фактически во втором случае речь шла о будущей идеальной Сан-Стефанской, или «Целокупной», Болгарии.

² Липранди И. П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи // РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 173. Л. 95.

³ Там же. Л. 96 об.

⁴ Там же. Л. 100.

⁵ Там же. Л. 113.

⁶ Там же. Л. 100.

⁷ Там же. Л. 95.

⁸ Там же. Л. 95 об. – 96.

⁹ РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 247. Л. 20 об. – 21.

В записке «Болгария» 1854 г. Липранди противопоставляет древних «бугар» и современных болгар, не упоминая о древнем болгарском языке, отсекая тем самым их «азиатское» прошлое. Он усматривает начало истории Болгарии не в переселении народов «дист-кипчакского» происхождения, а в создании Болгарского царства. Так произошло изменение дискурса, в рамках которого велось описание болгарского народа: из азиатского народа болгары превратились в славян. Теперь они воспринимаются как высокоразвитый и самый многочисленный южнославянский народ, чье государство во многом превосходило как средневековые европейские державы, так и Древнюю Русь и который ныне является хранителем славянской старины. Липранди даже называл Болгарию «классической для нас страной»¹⁰. Он доказывал, что русские и болгары являются самыми близкими друг другу народами, которых объединяет общая история и религия, родственность языков и культур, поэтому именно в лице болгарского народа Россия должна искать опору на Балканском полуострове, но поскольку болгары идеологически разобщены, то России, чтобы привлечь их на свою сторону, следует проводить политику, говоря современным языком, «мягкой силой».

Ключевую роль в решении этой задачи сыграла православная церковь, опиравшаяся на глубоко распространенное в болгарском народе русофильство. Согласно церковному историку В. М. Верюжскому, сущность традиционных народных настроений заключалась в глубокой приверженности к России, которую простой болгарский народ в условиях жестокого османского господства иносказательно называл «Дядо Иван» и в которой видел своего единственного спасителя и защитника. «Освободимся от турецкого ига, говорили простые болгары, но когда придет Дядо Иван» [3, с. 33]. Он считал тяготение к России историческим качеством простого болгарского народа, находящим конкретное выражение в деятельности духовных вождей и, в частности, Софрония Врачанского, экзарха Иосифа I и митрополита Климента Тырновского. Российско-болгарскую духовную взаимосвязь, обусловленную общей преданностью православию, экзарх Иосиф I считал важнейшим непреходящим качеством объективного порядка и частью социокультурного кода болгар [2, с. 164], видя «спасение благочестивого болгарского народа в православии и славянстве», «на челе которого стоит великая Россия» [3, с. 23].

Внешнее восприятие имело существенное значение для процесса становления болгарского национального сознания еще и потому, что в силу отсутствия собственной государственности и наличия многочисленной диаспоры формирование болгарской национальной элиты также в значительной степени происходило за пределами болгарской земли. Весомую роль в этом процессе болгарского элитогенеза играло образование, получаемое этническими болгарскими в школах и университетах России. Помимо того, русское правительство содействовало появлению специализированных учебных заведений для болгар и других южных славян.

¹⁰ РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 247. Л. 9.

Наиболее известным таким заведением является открытый в 1867 г. по «высочайшему повелению» императора Александра II в городе Николаеве пансион «для детей южных славян, получающих гимназическое образование». Развитию гимназического пансиона способствовала неумолимая деятельность талантливого болгарина Тодора Минкова, родившегося в городе Русе. Пансион Минкова стал кузницей болгарской элиты второй половины XIX в., так как почти 80 % от общего числа учащихся в нем составляли болгары из разных городов и деревень на болгарских землях, а также из Константинополя, Эдирне, Браилы, Бухареста, Галаты, Тулчи и даже из Албании. До 1892 г. пансион находился в Николаеве, а с 1894 по 1906 г. – в имении семьи Минковых в Гродненской губернии, функционируя как подготовительный класс для военного корпуса. Выпускники пансиона Минкова стали активными участниками Апрельского восстания и Освободительной войны.

Одним из определяющих факторов формирования болгарского национального геополитического сознания стало появление и совершенствование этнографических карт расселения болгар в контексте развития картографии Юго-Восточной Европы. Хотя на европейских картах раннего Нового времени (как, например, на карте *Thracia et Bulgaria cum viciniis*, составленной около 1600 г. немецким картографом и географом Матиасом Куаденом) и можно было обнаружить болгар, по ним трудно четко определить область их расселения. Но в XIX в. ситуация настолько изменилась, что в некотором смысле Болгарию как этногеополитическую реальность вообще можно считать изобретением европейских и русских картографов 40–70-х гг. XIX в.

Уже при составлении П. Шафариком этнографической карты балканских земель (*Slovansky zemêvid*, Прага, 1842 г.) он первым отличает болгар от сербов, цыган, греков и албанцев. Еще до начала националистической полемики по македонскому вопросу он показывает, что почти вся Македония, как и Ниш, вся Добруджа и даже часть российской Бессарабии населены болгарами. Этнографическая карта Балканского полуострова (1847 г.), составленная Ами Буэ и изданная Бергхаусом, также демонстрирует, что почти вся Македония (кроме самой южной части) вдоль западной границы реки Черный Дрин, как и весь южный бассейн реки Моравы с городами Ниш, Лсковец, Враня, Прокупье, Пирот и т. д., вся Добруджа и даже часть русской Бессарабии – это земля, населенная в основном болгарами¹¹.

Для болгарских националистов весьма ценным документом является этнографическая карта, изданная в Вене в 1821 г. и в Белграде в 1848 г. как приложение в книге сербского историка Дмитрия Давидовича «История сербского народа». Она была опубликована Сербским государством, широко использовалась сербскими историками и географами, а также была переведена на французский язык, т. е. предназначалась для иностранцев. Как в самой карте, так и

¹¹ Българитѣ въ тѣхнитѣ исторически, этнографически и политически граници (Атласъ съдържащъ 40 карти). Berlin, Königlische Hoflithographie, Hof Buch und Steindruckerei Wilhelm Greve, 1917. URL: http://promacedonia.org/en/dr/index_bg.html (дата обращения: 03.02.2022).

в книге, в которую она включена, не только Македония, но и города Ниш, Лсковец, Враня, Пирот и даже Приштина и Новый Пазар не входят в границы этнических земель сербского народа¹².

Еще одна сербская этнографическая карта, изданная профессором К. Дежарденом в Белграде в 1853 г., носит название «Сербия и земля, в которой говорят на сербском языке». Ее составитель, хотя и француз, считался одним из самых образованных сербских профессоров. Карта, составленная «по Давидовичу и другим сербским описателям», представляет границу сербоговорящего региона, как его понимали тогдашние сербские ученые, и также считается очень ценным документом, опровергающим сербские претензии. Как видно из нее, Македония не входит в сербоговорящую землю, как и города Бьла-Паланка, Пирот, Лсковец и Враня. Однако она включает в «границы, где живут сербы и говорят по-сербски», бассейн реки Тимок, включенный в Сербское княжество в 1933 г. Опровергая историческую принадлежность этой территории к Сербии, болгарские националистически настроенные картографы утверждали, что «из истории Сербии ясно, что долины рек Тимок и Нишава до Куновицких гор никогда не входили в границы Сербии, ни во времена Душана, когда Сербия была величайшим государством на Балканах, ни в границах Сербского Патриархата в Ипеке. Эти факты были найдены с помощью карт в “Истории сербского народа” проф. Ст. Станоевича, история которого является лучшим сербским учебником по этому предмету и поэтому изучается во всех сербских средних школах»¹³.

Иностраные карты вообще являются в болгарском восприятии важным аргументом в территориальных спорах с соседями, поэтому болгарские картографы особенно внимательно анализируют их содержание. Так, этнографическая карта Гийома Лежана (рис. 1), изданная в книге «Этнография турецкой Европы» в 1861 г. с болгарских позиций, содержит некоторые огрехи, такие как появление чрезвычайно большого числа турок в Восточной Болгарии и обозначение поселений в Охриде как сербских и поселений в Врачанско как цыганских; зато как достоинство отмечается то, что в ней указано распространение болгар в Нише и Добрудже¹⁴.

В целом же болгарские картографы констатируют своего рода международный консенсус ученых, представляющих соперничающие великие державы, в отношении описания границ этнических болгарских земель. Так, русская «Этнографическая карта славянских народов», составленная географом и этнографом М. Ф. Мирковичем в 1867 г., относит почти всю Македонию, всю Нишскую область, включая даже город Княжевац (Гргусовац), и Добруджу к этническим землям болгарского народа. Английская этнографическая карта Дж. Маккензи и А. П. Ирби (рис. 2), которые путешествовали в 1862–1863 гг. по большей части Балканского полуострова и после этого издали в 1867 г. книгу «Турки, греки и славяне. Путешествия по славянским провинциям турецкой Европы», также показывает всю Македонию (к западу от реки Черный Дрин и

¹² Българитѣ въ тѣхнитѣ ...

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

юго-западнее от гор Грамос), всю Нишскую область, Добруджу и часть южной Бессарабии в пределах границ болгарского этноса.

В этнографической карте знаменитого французского географа Элизе Реклю (1876 г.) также вся Македония и вся Нишская область были показаны как земли, где преобладают болгары. В свою очередь, этнографическая карта немецкого географа и картографа Генриха Киперта (1876 г.), на месте изучавшего Османскую империю и посещавшего населенные болгарами земли, описывает всю Македонию и Нишскую область как земли, населенные в основном болгарами. Именно эта карта послужила основой для определения границ двух болгарских автономных государственных образований на конференции европейских послов в Константинополе в 1876–1877 гг., на ее основе были начертаны границы государств Балканского полуострова на Берлинском конгрессе 1878 г.

Рис. 1. Этнографическая карта Гийома Лежана

Рис. 2. Английская этнографическая карта Дж. Маккензи и А. П. Ирби

Автором еще одной ценной этнографической карты, изданной в 1877 г., является А. Синве – гражданин Франции и профессор географии в султанском лицее в Константинополе. Она была составлена в соответствии с информацией, полученной от Константинопольского патриархата, и сами греки считали ее своей картой. Ее содержание свидетельствует, что греки не признавали в 1877 г. существование сербов в Македонии и сами считали христианское большинство, населяющее Македонию, болгароязычными греками (Синве называет их греко-болгарами, в то время как греческие газеты всегда называли их «болгарофонными эллинами»). Стремясь опровергнуть утверждения, что Македония всегда была населена греками, но варвары-славяне, вторгшиеся в эту страну, навязали им свой язык, болгары доказывают, что некультурные люди не могут навязать свой варварский язык культурным людям, приводя в качестве примера то, что турки-османы за целых пять веков не смогли навязать свой язык покоренным народам Европы или даже тем христианам, которые приняли мусульманскую веру, так что до сих пор отуреченные греки в Эпире говорят по-гречески, отуреченные сербы в Боснии и Герцеговине говорят по-сербски, а отуреченные болгары в Македонии и Родобах говорят по-болгарски¹⁵.

Русские картографические представления этого периода были восстановлены болгарским профессором А. Иширковым в «Карте Болгарии по князю Черкасскому (1877 г.)», составленной на основании одного отчета российскому

¹⁵ Българитѣ въ тѣхнитѣ ...

военному министру гражданского губернатора Болгарии во время русской оккупации князь Черкасского. В этом отчете князь Черкасский заявлял, что болгарская граница должна идти «на запад – по линии, утвержденной российским императором Александром II (эта линия, как объяснил генерал-майор Овсяный в своей книге «Русское управление в Болгарии в 1877-78-79 гг. СПб., 1906, Том I», охватывала города Ниш, Куршумле, Лсковец, Приштина и Призрен); на юг – от горы Пинд вдоль реки Бистрица (Индже-Карасу) до Солунской бухты, а затем через Солунский полуостров (Халкидика) до Эгейского моря (оставляя город Салоники и озеро Бесик в границах Болгарии), далее по берегу моря до устья реки Марица и далее вдоль этой реки до точки впадения в нее реки Эрген, а оттуда вдоль реки Эрген и притока Чорлу-Дерек горного хребта Отранджа и вдоль водораздела этого хребта до стены Анастасия или Константинопольского края; на востоке – вдоль побережья Черного моря; на севере – по Дунаю»¹⁶.

Эта карта иллюстрирует, что Россия первоначально намеревалась предоставить Болгарии границы, которые были одобрены самим императором (по крайней мере, в части западных границ), но в договоре, заключенном в Сан-Стефано, эти границы были значительно сужены, чтобы отдать Сербии уже занятые ею города Ниш, Куршумлия и Лсковец в качестве территориального вознаграждения за участие в Русско-турецкой войне. Таким образом, болгарские ученые доказывают, что эти болгарские города Сербия получила не потому, что сербы имели какое-либо этнографическое или историческое право на них, а по чисто политическим причинам – потому что Россия должна была дать Сербии компенсацию за участие в войне, а такой компенсации она не могла дать в Косовом Поле без конфликта с Австро-Венгрией¹⁷.

Более поздняя этнографическая «Карта славянских народов» Славянского благотворительного общества в Петрограде (1890 г.), составленная на обширном документальном материале Н. С. Зарьянко и опубликованная В. В. Комаровым, содержит существенные исправления к русской карте 1867 г. (в основном в части распространения болгар в Южной Фракии, Дели-Ормане и Добрудже). Когда она была издана, тогдашний сербский полномочный министр в Петербурге г-н Симич получил приказ от Белграда протестовать против того факта, что Македония была показана на ней как болгарская земля. Протест был сделан и Славянскому благотворительному обществу (СБО) и правительству России. В результате этого двойного протеста СБО вынуждено было напечатать второе издание карты, которая нейтрализует болгарский колорит Македонии. Однако издателю не удалось изменить статистическую таблицу болгар в Македонии, а в колонке цветов забыли выделить конкретный цвет для «македонских славян»¹⁸.

В начале XX в. появляются уже собственно болгарские этнографические карты, такие как карта Македонии Василя Кинчова (1900 г.), автор которой долгое время был инспектором болгарских школ в Македонии. А в 1915 г. в известном немецком журнале *Petermann's Geogr. Mitteilungen* (Jahrgang 1915,

¹⁶ Българитѣ въ тѣхнитѣ ...

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

Tafel 44) издается этнографическая карта, представляющая собой описание распространения болгар на Балканском полуострове до Балканской войны 1912 г. (рис. 3). Карта была составлена профессором географии Софийского университета Анастасом Иширковым в сотрудничестве с четырьмя другими профессорами. Сам Иширков на основе официальной статистики составил этнографическую карту Королевства Болгарии в его старых границах (до 1913 г.); профессор Любомир Милетич подготовил карту Фракии; профессор Джордан Иванов – карту Македонии; профессор С. Романский – карту Добруджи; профессор Б. Цонев изобразил распространение болгар в бассейне рек Болгарская Морава и Тимок.

Рис. 3. Этнографическая карта распространения болгар на Балканском полуострове до Балканской войны 1912 г.

Стоит упомянуть также изданную в 1912 г. карту «спорной зоны» в Македонии из отчета Комиссии Карнеги, которая использовалась в Болгарии для опровержения сербской версии о том, что вся Македония была частью «спорной зоны». Болгарские картографы при этом отмечают, что эта карта не совсем точна в своей западной части, поскольку «спорная территория» заканчивается за городом Струга и не содержит территории к западу от Охридского озера¹⁹.

Наконец, карта «Болгария в 1915 году» содержит исправление турецко-болгарской границы в соответствии с Конвенцией об исправлении болгарско-турецкой границы от 24 августа – 6 сентября 1915 г. Характеризуя эти исправления, авторы болгарского атласа 1917 г. утверждали: «В Константинополе поняли, что у Турции и Болгарии есть общий жизненный интерес в том, чтобы помешать

¹⁹ България въ тѣхнитѣ ...

России захватить Проливы, поэтому было необходимо создать условия полной гармонии между этими двумя государствами, устраняя все, что их разделяет, и культивируя все, что их сближает. После устранения македонского вопроса единственным препятствием для этой гармонии был неестественный характер турецко-болгарской границы – и он был исправлен в вышеуказанной конвенции»²⁰.

Особой популярностью среди болгарских интеллектуалов, которые занимались продвижением и популяризацией болгарского восприятия Македонии, пользовалась работа немецкого этнографа первой четверти XX в. Густава Вайганда «Этнография Македонии», позднее переведенная на болгарский язык²¹. Болгарским авторам особенно импонировало то, что немецкий ученый считал, что «большая часть сельского населения» в Македонии «была и остается болгарским». Описывая демографическую структуру македонского населения, Густав Вайганд на первое место по численности ставил болгар. Используя термин «македонцы», Г. Вайганд не придавал им специфического македонского содержания, полагая, что македонцев следует рассматривать в качестве этнографической группы болгар. Анализируя особенности этнической истории Македонии, Г. Вайганд «населял» ее не просто абстрактными славянами, но болгарами, а государственные традиции, которые в различное время имели место на территории Македонии, оценивались им также как «болгарские». По мнению немецкого автора, в первой четверти XX в. болгары составляли значительную часть городского населения Македонии. Кроме этого, славянские языки, на которых говорило население Македонии в Средние века, немецкий этнограф соотносил со «староболгарским языком». Густав Вайганд также полагал, что отдельного и самостоятельного македонского языка не существует, а славянские диалекты на территории Македонии следует рассматривать в качестве болгарских²².

В период после 1878 г., т. е. с началом процесса восстановления болгарской государственности, на развитие болгарского национального геополитического сознания воздействовали следующие факторы:

- динамичные глобальные и континентальные цивилизационные процессы;
- промежуточное географическое положение и драматические колебания геополитического выбора при перманентном статусе полупериферийного буфера;
- симметрия между структурой внутриполитической системы и внешней конфигурацией сил в периоды силового равновесия и баланса интересов в Европе и мире;
- преобладание национальной идеи в Болгарии в периоды поддержания геополитического равновесия сил в Европе и мире (как это имело место до конца Второй мировой войны) и ее вытеснение наднациональными идеологиями (интернационализм, глобализм) в периоды доминирования в Болгарии одностороннего влияния определенного европейского или глобального центра силы (например, в 1945–1989 гг. и с 1990 г.).

²⁰ Българитѣ въ тѣхнитѣ

²¹ Вайганд Г. Этнография на Македония / превод Елена Пипилева. URL: http://promacedonia.org/gw/gw_index.html (дата обращения: 03.02.2022).

²² Там же.

В этом смысле трудно не согласиться с мнением Людмила Георгиева: «Третье болгарское государство – это только смена Высокой Порты. Если раньше она была в Царьграде, затем переместилась в Берлин, а во время социализма – в Москву, то теперь Высокая Порта находится в Брюсселе и Вашингтоне. Там находятся султаны, а болгарский народ не определяет свое существование. Решения о нем принимаются не только вне его, но и за пределами его собственной территории. Поэтому болгарский народ не имеет чувства собственного достоинства как сообщества. Да, в отдельности у нас все хорошо, даже за границей, но это является следствием приоритетов индивидуальных стратегий выживания и выживания, а также драматического отсутствия чувства общности»²³.

Общественное мнение, действительно, привыкло делать ставку на помощь и поддержку «старшего брата». Накануне и сразу после Освобождения Болгарии в этом качестве воспринималась Россия, затем болгары обращаются к Германии, а при изменившихся обстоятельствах – к Советскому Союзу. Сегодня Болгария является членом Евросоюза, и в ее внутренней политике преобладает европеизм, но некоторые политические силы ориентируются на «большого брата» за океаном, игнорируя два важных геополитических центра – Германию и Россию, притом что баланс сил оказывается все более динамичным и смещающимся в сторону многополярности.

В этой ситуации обращает на себя внимание усиление русофобской пропаганды в стране, которая часто соединяется с явной или скрытой туркофилией. Возможно, основная цель болгарских русофобов – не настроить болгар против России, а отдалить русских от болгар. Ведь на самом деле в каждом болгарском русофобе скрыт маленький туркофил, а в русофобии таится некая скрытая ностальгия по Османской империи (подобно некой ностальгии по «австрийским временам» и «цесарю Францу-Иосифу» на западе Украины). Цель русофобии состоит в том, чтобы в формирующемся многополярном мире Болгария была лишена российской поддержки и осталась в одиночестве, особенно перед лицом напряженности в отношениях с Турцией.

Остается неясным вопрос о том, какое влияние окажет на геополитическую идентичность Болгарии нарастание конфликтности в отношениях между странами, принадлежащими к двум центрам силы западного мира, т. е. между Европой (во главе с Германией и Францией) и США. Затрагивающий эту тему Ермил Казаков полагает, что, поскольку прямое влияние баланса сил на глобальном уровне на Болгарию относительно непродолжительно с исторической точки зрения, восприятие его структурных и функциональных аспектов относительно расплывчато и даже недооценено²⁴.

Список литературы

1. *Баджаков Момчил*. Петър Мутафчиев и геополитическите фактори в българската история // Историкът Петър Мутафчиев като изследовател, гражданин и човек. София : Нов български университет, 2016. С. 120–152.
2. Български екзарх Йосиф I. Дневник. София : Свети Георги Победоносец, 1992. 918 с.

²³ Георгиев Л. Указ. соч.

²⁴ Казаков Е. Геополитическите модели в българската външна политика: Санстефанизмът // Геополитика. 29.05.2004. URL: <https://geopolitica.eu/spisanie-geopolitika/159-2004/broi2-2004/551-geopolitichesките-modeli-v-balgarskata-vanshna-politika-sanstefanizmat> (дата обращения: 03.02.2022).

3. *Верюжский В. М.* Историческая роль болгарского духовенства в народной и политической жизни Болгарии. Петроград : Тип. Меркушева, 1916. 40 с.
4. *Ганчев П.* България и Русия в епохата на глобалните предизвикателства // Международни отношения. 1998. № 2. С. 70–80.
5. *Гачев Г.* Ускореното развитие на културата. София : Захари Стоянов, 2003. 496 с.
6. *Касаткин К. А.* От «бугар» к Болгарии: изобретение болгарской нации в работах И. П. Липранди // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 3-4. С. 15–31.
7. *Мутафчиев Петър.* Книга за българите. София : Изд-во на Бълг. акад. на науките, 1987. 203 с.
8. *Павлов Н.* Болгарската геополитическа традиция и перспектива // Военен журнал. 1999. № 6. С. 106–113.
9. *Попов Д.* История на българските империи. София : Огледало, 2014. 887 с.
10. *Попов С.* Болгарската идея и демосферата. Варна : Данграфик, 2001. 143 с.
11. *Сачев Е.* Българите са в основата на човешката цивилизация. София : Новата цивилизация ЕООД, 2016. 159 с.

References

1. *Badzhakov M.* Petar Mutafchiyev i geopoliticheskiye faktory v istorii Bolgarii [Petar Mutafchiyev and geopolitical factors in the history of Bulgaria]. *Istoriik Petar Mutafchiyev kak issledovatel, grazhdanin i chelovek*. Sofiya, Nov. Bolgar Univ. Publ., 2016, pp. 120-152. (in Bulgarian)
2. *Bolgarskiy ekzarkh Iosif I. Dnevnik* [Bulgarian Exarch Joseph I. Diary]. Sofiya, Saint George the Victorious Publ., 1992, 918 p. (in Bulgarian)
3. *Veryuzhskiy V.M.* *Istoricheskaya rol bolgarskogo dukhovenstva v narodnoy i politicheskoy zhizni Bolgarii* [The historical role of the Bulgarian clergy in the national and political life of Bulgaria]. Petrograd, Printing house Merkushev, 1916, 40 p. (in Bulgarian)
4. *Ganchev P.* Bolgariya i Rossiya v epokhu globalnykh vyzovov [Bulgaria and Russia in the era of global challenges]. *International relations*, 1998, vol. 2, pp. 70-80. (in Bulgarian)
5. *Gachev G.* *Uskorennoye razvitiye kultury* [Accelerated cultural development]. Sofiya, Zakhari Stoyanov, 2003, 496 p. (in Bulgarian)
6. *Kasatkin K. A.* Ot “bugar” k Bolgarii: izobreteniyе bolgarskoy natsii v rabotakh I. P. Liprandi [From the “Bugs” to Bulgaria: the invention of the Bulgarian nation in the works of I. P. Liprandi]. *Slavic world in the third millennium*, 2018, no. 3-4, pp. 15-31. (in Russian)
7. *Mutafchiyev Perep. Kniga dlya bolgar* [Book for Bulgarians]. Sofiya, Bulg. Akad. Nauk Publ., 1987, 203 p. (in Bulgarian)
8. *Pavlov N.* Bolgarskiye geopoliticheskiye traditsii i perspektivy [Bulgarian geopolitical traditions and perspectives]. *Voyennyi zhurnal*, 1999, vol 6, pp. 106-113. (in Bulgarian)
9. *Popov D.* *Istoriya bolgarskikh imperiy* [History of the Bulgarian Empires]. Sofiya, Ogleдало Publ., 2014, 887 p. (in Bulgarian)
10. *Popov S.* *Bolgarskaya ideya i demosfera* [Bulgarian idea and demosphere], Varna, Dangrafik Publ., 2001, 143 p. (in Bulgarian)
11. *Sachev E.* *Bolgariya – osnova chelovecheskoy tsivilizatsii* [Bulgarians are the basis of human civilization]. Sofiya, Novata tsivilizatsiya EOOD Publ., 2016, 159 p. (in Bulgarian)

Сведения об авторе

Ковалевский Александр Александрович
старший преподаватель, кафедра
«Политические и философские науки»,
Институт общественных наук и
международных отношений
Севастопольский государственный
университет
Российская Федерация, 299053, г.
Севастополь, ул. Университетская, 33
e-mail: ilabian.org@gmail.com
ORCID 0000-0002-9872-0940

Information about the author

Kovalevskiy Alexander Alexandrovich
Senior Lecturer, Department of Political
Science and Philosophy
Sevastopol State University
33, Universitetskaya st., Sevastopol, 299053,
Russian Federation
e-mail: ilabian.org@gmail.com
ORCID 0000-0002-9872-0940

Статья поступила в редакцию **14.01.2022**; одобрена после рецензирования **14.02.2022**; принята к публикации **19.02.2022**
The article was submitted **January, 14, 2022**; approved after reviewing **February, 14, 2022**; accepted for publication **February, 19, 2022**